

УДК 821.161.1 + 811.133.1

КОНЦЕПТ «УМ» В ЦИКЛЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И ЕГО ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДАХ

© 2013 г.

Н.А. Воскресенская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

voskressen@gmail.com

Поступила в редакцию 10.08.2012

Дан сравнительно-сопоставительный анализ принципов перевода французскими исследователями рассказов цикла И.С. Тургенева «Записки охотника» на примере интерпретации концепта «ум», проведено исследование языковых особенностей представления концепта, описан его ассоциативный фон.

Ключевые слова: Тургенев, восприятие и интерпретация текста, французский, перевод, концепт «ум».

Исследование французских переводов цикла И.С. Тургенева «Записки охотника» выявило одну из актуальных проблем истории литературы и теории перевода. Оказалось, что многие концепты произведений Тургенева, в частности «народ», «мир», «правда», «ум», не могли быть адекватно переданы переводчиками в силу особой специфики их актуализации в русской действительности и творчестве Тургенева особенно.

В цикле «Записок» представлены различные способы репрезентации концепта: индивидуальный (в речи героев); авторский (в системе речи повествователя), а также национальный (в пословицах, поговорках). Поскольку именно образ автора-повествователя является в цикле сюжетообразующим и определяет его концепцию, задача данной статьи – рассмотреть, в каких компонентах концепта авторская идея о своеобразии русского национального характера получила свое художественное воплощение и, соответственно, пояснить сложности перевода концепта «ум» на французский язык. Проанализируем в качестве примера способы языкового выражения концепта «ум» – смысловое наполнение которого напрямую связано с представлением И.С. Тургенева об особенностях русского менталитета – в очерке «Хорь и Калиныч», рассказах «Малиновая вода» и «Бурмистр».

Основные исторические этапы функционирования концепта можно проследить по словарным толкованиям языковых единиц, объективирующим его.

Существительное «ум» пришло в русский язык из греческого через церковно-славянский [1, с. 1211]. Происхождение слова отличает его от синонимического ряда, к которому его мож-

но отнести: *рассудок, интеллект* имеют латинские корни [1, с. 53]. Возможно, именно поэтому передача славянского понятия вызвала затруднения у французских переводчиков.

К тому же, изначально слово *ум* понималось не так, как в современном русском сознании. Анализ современных словарей показывает, что в русской языковой картине мира «ум» – это «мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности [2]; способность мышления и понимания [3, с. 567]; способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни [4, с. 832]; познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить, сознание, рассудок [5]». Показателен ряд синонимов к слову *ум*: *разум, рассудок, смысл, догадливость, догадка, сметка, гений* [6].

В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского (1893) мы находим: «Умъ – **душа, совокупность духовных сил** (выделено автором. – *Н.В.*); – способность мыслить и познавать, разумъ; – мысль; – разумѣніе, пониманіе; – знаніе, умѣніе; – рассудокъ» [1, с. 1211]. Аналогично понятие ума трактуется в толковом словаре Вл. Даля (1882): «УМЪ, м. общее названье познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; **это одна половина духа его, а другая нравъ, нравственность, хотенье, любовь, страсти** (выделено автором. – *Н.В.*); въ тѣсн. знчн. *ум* или *смысль, рассудокъ*, есть прикладная, обиходная часть способности этой (*ratio, Verstand*), низшая степень, а высшая, отвлеченная: *разумъ*, (*intellectus, Vernunft*)» [7, с. 494]. Таким образом, слово *ум* означало и разум, и мысль, и душу.

В XIX веке ум, разум, рациональное не вступало в противоречие с духовным, нравственным, чувственным, а воплощало две основные разновидности русского национального характера. Эту же идею, выраженную в художественной форме, обнаруживаем и в цикле Тургенева.

Наращивание актуального слоя концепта происходит в первую очередь в системе авторской речи, объединяющей персонажные речевые потоки, а также объективирующей обстоятельства, характеризующие героев.

Образы главных героев представлены через детали бытовой обстановки, изображение «вписанных» в нее других персонажей» [8, с. 215]. Так, например, знакомство с Хорем предваряет описание его хозяйства: «изба... с чистыми бревенчатыми стенами, тяжелый образ в серебряном окладе, липовый стол... выскоблен и вымыт»¹, кружка «большая», квас «хороший», «сытый пегой жеребец, запряженный в телегу»; семьи – «шесть молодых великанов». Полной его противоположностью является Калиныч, не имеющий ни семьи, ни хозяйства, не практичный, не рациональный.

Суждения Хоря, относящиеся к оценке героем различных типов житейских ситуаций, рационально-афористичны: «кто без бороды живет, тот Хорю и набольший», «Бабы ведь народ глупый», «И хорошо, батюшка делаешь; стреляй себе на здоровье тетеревов да старосту меняй почаще». Практический взгляд Хоря на жизнь дает приращение к смысловой доминанте концепта: ум – это умение жить, примеряясь к обстоятельствам.

Калиныч является носителем «ума» иного рода, «неразумного» с житейской точки зрения, однако его востребованность несомненна: «без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог», «Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство».

Смысловое наполнение индивидуального концепта объективируется также в речи других персонажей. В высказываниях г-на Полутыкина, «вписанного» в изображаемые обстоятельства, Хорь характеризуется как сугубое воплощение рационализма («мужик умный») в соединении с *хитростью* («бестия»), а Калиныч – идеализма («добрый мужик») в соединении с инстинктивной, природной любовью ко всему окружающему, в том числе и к господину, данному Богом («усердный и услужливый»). Поэтому столь важным для характеристики актуализации концепта является авторская ремарка, уточняющая определение Полутыкина: «Хорь *насквозь* видел г-на Полутыкина; Калиныч *благоговел* перед своим господином» (выделено автором. – Н.В.).

В целях реализации доминанты концепта «ум» Тургенев выстраивает синонимические ряды, придавая им характерологическую функцию. Хорь – человек «положительный, практический», «административная голова», «рационалист» с лицом Сократа»; его речь представляется автором как «простая, умная речь русского мужика». Он «чувствовал свое достоинство», «понимал действительность», «говорил мало» и «разумел про себя», «возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь».

Иной синонимический ряд характеризует «ум» Калиныча в авторском комментарии: «идеалист», «романтик», «восторженный и мечтательный», «добродушный, кроткий, беззаботный, ясный».

Заявленная в первом рассказе цикла «Хорь и Калиныч» двойственная природа русского характера получает свое инвариантное воплощение в рассказах «Бурмистр» и «Малиновая вода».

В рассказе «Бурмистр» Софрон, так же как и Хорь, является носителем рационального начала. Он содержит именье своего барина в «отличном порядке», знает, как «удовлетворить посредственника», «заявить благодарность» становому. Показательна речь бурмистра: в первую встречу с барином он «заговаривает нараспев и с таким умилением на лице, что вот-вот, казалось, слезы брызнут», на другой день «говорил он гораздо меньше вчерашнего, глядел зорко и пристально в глаза барину, отвечал складно и дельно». Но даже «увлеченный порывом чувств», он «все напирал на то, что земли-де у них маловато, прикупить бы не мешало».

В рассказе актуализируется смысловой пласт концепта, связанный с основной идеей всего цикла. Тургенев раскрывает сущность практической стороны русского ума через отзывы барина и мужика о бурмистре. Аркадий Павлович Пеночкин говорит о бурмистре, как о «государственном человеке», называет его «une forte tête (умная голова)», «молодец». В его понимании Софрон – подданный, служащий ему верой и правдой. Но барин не видит то, что видят в нем крестьяне, то есть истинную сущность Софрона. Автор доверяет высказать правду о нем крестьянину Анпадиству, раскрывшему настоящую причину служения бурмистра господину: «Да ведь Шипиловка только что числится за тем, как бишь его, за Пенкиным-то; ведь не он ей владеет: Софрон владеет». Ум Софрона «звериный», он предан барину как «пес», но о себе, своем благе не забывает.

Таким образом, в тексте рассказа происходит несколько приращений актуального слоя концепта. Во-первых, рациональная составляющая

русского «ума», положительная у Хоря, приобретает отрицательную коннотацию в образе бурмистра. Во-вторых, Тургенев показывает, насколько «ум» барина отличается от «ума» мужика, насколько сложными были отношения между крепостными и их господами. Сопоставление двух разных ментальностей актуализирует тот слой концепта, который практически невозможно передать при переводе, так как в иной культуре он не представлен.

Если Хорь и бурмистр являются носителями практической стороны русского характера, то линия, идущая от «нерационального» Калиныча получает продолжение в рассказе «Малиновая вода». Степушка – это герой, в котором проявляются такие черты национального характера, как кроткость, безответность. «Ум» этого героя представлен в авторской характеристике. Рассказчик говорит о нем как о человеке без прошлого, без связей, без родства, человека, о котором никто не говорил, отсутствия которого никто не замечал. У Степушки, в отличие от Калиныча, которому содержать хозяйство в исправности не давал барин, не было ничего своего. «Проживал он летом в клети, позади курятника, а зимой в предбаннике; в сильные морозы ночевал на сеновале». Однако, описывая его существование, автор делает акцент на таком качестве ума русского мужика, как умение приспособиться к обстоятельствам. Степушка отстранился от окружающей его жизни, даже «в праздничные дни, дни всеобщего жалования... он не являлся..., не кланялся». Он «вечно хлопотал... и все для еды, для одной еды».

Концепт «ум» в очерке И.С. Тургенева характеризует ментальность русского национального характера не только на уровне образов героев, но и опосредованно, через оценку этого качества в народной среде и автором-повествователем, охотником. Своеобразие авторской личности проявляется в вербальных средствах репрезентации одного из характерных для него концептов и позволяет понять языковую и концептуальную картины мира автора, его идиостиль. Многослойная структура концепта полнее раскрывает художественное содержание текста, однако определяющим является авторский способ реализации смысла концепта, что подтверждается не только анализом художественной структуры очерка, но и находит отражение в заглавии всего цикла «Записки охотника». Именно автор-рассказчик, от лица которого ведется повествование, выстраивая синонимические ряды определения концепта «ум», раскрывает читателю тайну гармонии трезвой практичности и возвышенной мечтательности, которые одинаково присущи русскому национальному характеру.

Обратимся к двум наиболее популярным в настоящее время переводам рассказа: И.Д. Гальперина-Каминского, переводчика, журналиста (1927) и исследователя творчества И.С. Тургенева Анри Монго (1929).

Трудность при интерпретации концепта возникает уже при восприятии слова-репрезентанта. Эквивалентами слова во французском языке являются *esprit*, *intelligence*, *raison*. К анализу понятий, в том числе сопоставительному, обращались как русские, так и французские исследователи [9–12].

Esprit пришло во французский из латинского: *spiritus* – *souffle* – дыхание, воздух (здесь и далее перевод автора. – *H.B.*). *Spiritus* также обозначает «божественное дыхание»: *Souffle de Dieu*; *inspiration venant de Dieu*. Из этого значения – во французском – душа: *Principe de la vie incorporelle de l'homme*; *être immatériel, incorporel* (нематериальное существо). От латинского значения «склад ума, менталитет» в XII веке во французском появляется значение «ум, интеллектуальная сторона» – *la réalité pensante* (мыслящее начало):

1. Principe de la vie psychique, tant affective qu'intellectuelle, chez un individu (основа психической жизни, как чувственной, так и интеллектуальной);
2. Ensemble des dispositions, des façons d'agir habituelles (мысль, которая направляет действие);
3. Principe de la vie intellectuelle (opposé à la sensibilité) [13].

Однако ни в одном из проанализированных французских текстов *esprit* не встречается при переводе русского «ум», «умный» (в значении «практичный»). Это можно объяснить тем, что, хотя в современном употреблении слова рациональное преобладает над духовным (как и в русском), анализ коннотаций [13, 14] показывает, что данное понятие характеризует человека не с точки зрения его прагматических возможностей, но его интеллектуальных качеств.

Так же как и *esprit*, *raison* – качество человека. *Raison* произошло от латинского *rationem*, аккузатива *ratio* – считать, подсчитывать. Латинское слово имеет разные значения: *счет, дела, отношения, мышления, разум, прием, метод, суждение* [15, с. 852]. У французского *raison* многие сохраняются, но происходит и отход от латинских смыслов. Так, остается только в устойчивых выражениях значение *счет, считание*. В современном языке *raison* понимается следующим образом:

1. La faculté pensante et son fonctionnement, chez l'homme; ce qui permet à l'homme de connaître, juger et agir, conformément à des principes (мыслительная способность человека,

позволяющая ему понимать, судить и действовать в соответствии со своими убеждениями).

2. La faculté de penser, considérée d'un point de vue général et abstrait, en tant qu'elle permet à l'homme «de bien juger (cit. 31, Descartes) et de distinguer le –vrai du faux», et d'appliquer ce jugement à l'action (способность мыслить – рассматриваемая в общем, абстрактном значении, правильно судить и применять эти суждения в действии).

3. Les facultés intellectuelles d'une personne, considérées quant à leur état actuel, à leur fonctionnement (мыслительные способности человека, рассматриваемые по отношению к их функционированию).

4. Connaissance naturelle (opposé à ce qui vient de la révélation ou de la foi) (естественные знания, противопоставляемые откровениям или вере) [13].

Следовательно, особенность данного понятия в том, что оно связано с действием, а не с состоянием.

Следующий эквивалент русского «ума» – *intelligence*. Во французский язык слово пришло из латинского от *intelligentia* – «понимание». Этот нюанс прослеживается во всех значениях в современном языке.

1. Faculté de connaître, de comprendre (способность знать, понимать).

2. L'ensemble des fonctions mentales ayant pour objet la connaissance conceptuelle et rationnelle (par oppos. à sensation et à intuition) (совокупность ментальных функций, имеющих целью концептуальное и рациональное познание (противопоставляется чувствованию и интуиции)).

3. Aptitude (d'un être vivant) à s'adapter à des situations nouvelles, à découvrir des solutions aux difficultés qu'il rencontre (способность живого существа приспосабливаться к новым ситуациям).

4. Qualité de l'esprit (d'une personne) qui comprend et s'adapte facilement; caractère d'une personne intelligente (качество ума, связанное с умением быстро адаптироваться) [13].

Итак, во французском языке не существует точного эквивалента русскому «ум», каждое из слов обладает коннотацией, не присущей русскому языковому сознанию. Во французских словах отсутствует сема «хитрость» – качество, тесно связанное с понятием «практичность», свойственное героям Тургенева. Перевод данного понятия затруднителен для французских авторов, они вынуждены искать варианты, исходя из особенностей контекста.

Так, переводчики находят следующие единицы, передающие значение «умение жить», за-

ключенное в концепте оригинального текста очерка «Хорь и Калиныч»:

Умный – malin (хитрый, себе на уме, сообразительный); *pas bête* (не глупый)².

Себе на уме – est sur ses gardes (быть начеку, настороже; соблюдать крайнюю осторожность); *sait garder sa pensée* (держат мысли при себе).

Разумел про себя – méditait dans sa barbe (размышлял в бороду); *réfléchissait* (размышлять, думать).

Умная речь – parole sensée (рассудительный, толковый, здравомыслящий); *spirituel langage* (spirituel – plein (полный) d'esprit).

В пояснениях к рассказу «Хорь и Калиныч» Анри Монго упоминает о том, что в тексте «Современника» Тургенев сравнивал Хоря с Гете, а Калиныча – с Шиллером. Тем самым он настраивает читателя на верное восприятие двух сторон русского характера – рационализма Хоря и романтизма Калиныча. В предисловии к изданию «Записок охотника» Анри Монго называет Хоря *ce porte-parole du bon sens paysan* (выразитель мнения крестьянского здравого смысла), именно так трактуя авторскую интенцию.

Если передача таких смысловых оттенков концепта «ум», как рациональный, удалась переводчикам при раскрытии характера Хоря, то правильно интерпретировать «звериный» ум Софрона, то есть глубже передать эту сторону русского концепта, как представляется, авторам было гораздо сложнее. В переводе А. Монго акцентировано значение, которое важно Тургеневу и отражено в характеристике Софрона Анпадином: *Умен, больно умен*, что в переводе передано *un madré* (хитрый, себе на уме) с добавлением значения *compère* (ловкач, пройдоха). То есть Монго показал существующий в оригинале оттенок смысла, появляющийся при повторении одного и того же слова, используя при этом два эквивалента. В переводе Монго следующего определения *И богат же, бестия? – et il a du foin dans ses bottes, l'animal* (он имеет деньги, кое-что в кубышке, животное) реализовано то значение, которое достаточно верно передает смысл выражения, так как в нем актуализируется негативная характеристика человека, который действует инстинктивно, проявляет большую жизненную силу – *Personne qui agit par instinct, qui fait preuve d'une grande vitalité*. Финальная фраза Анпадином о Софроне *Зверь – не человек; сказано: собака, пес, как есть пес* в переводе Монго не совсем точно передает заложенный в ней Тургеневым смысл. Переводя это выражение *Une brute, que je vous dis, un chien, un chien enragé!*, он соединяет в пределах одной фразы значение слов *brute –*

скот, зверь, скотина, животное (о грубом человеке) и un chien – собака, пес; презренный, ничтожный человек, дополняя значение последнего прилагательным engagé – бешеный. То есть получается, что у Софрона ум не человеческий (вспомним у Тургенева *Зверь – не человек!*), а звериная хватка, что, безусловно, соответствует натуре бурмистра. Однако из перевода исчезает смысл, безусловно, важный автору: пес (Софрон) не только охраняет добро хозяина, но и ластится к нему, заискивает, поэтому дважды повторенное *пес, как есть пес*, исчезнувшее из перевода, значительно обедняет его.

Что касается перевода Гальперина-Каменского, то *Умен, больно умен* он переводит *il est habile, très habile*, подчеркивая ловкость и проворство Софрона; *И богат же, бедствия – et riche! Ah! l'animal*, ставит акцент на том, что он богат (riche), *Зверь – не человек; сказано: собака, пес, как есть пес* переводит *Ce n'est pas un homme, c'est un chien, ou plutôt... en un mot, c'est un fauve*, то есть это не человек, собака или скорее... одним словом, дикий зверь, хищник. Как видим, у Гальперина-Каменского финал фразы более соответствует авторскому замыслу, хотя ритм перевода, перебивающийся многоточием, не совсем точно передает слова Анпадиста, произнесенные на одном дыхании.

Передача субъективно-авторского аспекта восприятия духовной стороны русского «ума» также вызывает трудности у переводчиков. Рассмотрим особенности перевода описания внешнего вида Калиныча, в котором отражена суть его натуры.

Авторские характеристики Калиныча не всегда верно интерпретируются во французских текстах. В оригинальном тексте Тургенева у Калиныча *добродушное лицо* в переводах представлено так: – *sa bonne* (доброе) *face*; *l'air* (вид) *de bonté* (доброта). Выбор прилагательного *добрый* и существительного *доброта* объясняется тем, что во французском языке эквивалента, несущего в себе все нюансы русского понятия *добродушный*, не существует. Поэтому выражение *добрый мужик* интерпретировано переводчиком следующим образом – *un brave* (честный, славный) *garçon*; *un bon moujik*. Гальперин-Каминский переводит *добрый* как *bon*. Этот эквивалент в словарях зафиксирован, однако для Тургенева важна именно доброта души героя, его открытость, а не то, что он «добрый», несмотря на то, что переводчик, следуя оригиналу, подбирает подходящее по смыслу прилагательное.

Кроткое и ясное лицо – visage doux et serain (ясный, безмятежный спокойный: dont le calme

provient d'une paix morale qui n'est pas troublée [13] – спокойствие, причиной которого является мир в душе; тот, кто ничем не озабочен); *visage doux et tranquille* (спокойный).

Кроткого нрава – l'humeur douce; caractère doux. Оба переводчика используют одно прилагательное, которое наиболее близко русскому *кроткий* (*doux, douce* – спокойный, кроткий, податливый; послушный: *qui ne heurte, ne blesse personne, n'impose rien, ne se met pas en colère* [13] – человек, не оскорбляющий других, ни на чем не настаивающий, не впадает в ярость). Тем не менее, оно лишено той смысловой нагрузки, которая заключается в русском слове «кроткий». В данном случае оно несет на себе «отсвет» значения слова «ясный», то есть, человек, светлый, одухотворенный, к которому тянутся другие, испытывая потребность в общении. Таким образом, теряется важная составляющая той части русского «ума», которую воплощает в себе тип русского человека, представленный в образах Калиныча и Степушки.

Переводя рассказ «Малиновая вода», оба автора транскрибируют имя Степушка, не давая пояснений. Французский читатель изначально не получает полного представления о характере героя, не имея возможности «прочитать» все авторские коннотации в уменьшительно-ласкательной форме имени.

При описании Степушки Тургенев использует глаголы *приютился, притулился, обитал, витал, хлопотал, возился (втихомолку)*, раскрывая «ум» героя через его действия.

Во французских текстах *притулился* опускается, *приютился* переводится А. Монго *se réfugia* (укрылся), Г.-К. – *se blottir* (свернуться клубочком, съжаться; прикорнуть). Как видно из сравнения, русский переводчик (Гальперин-Каминский) лучше чувствует все смыслы, заключенные в глаголе «притулиться» и пытается найти французский эквивалент, наиболее близкий к русскому слову.

Обитал, витал – у Монго *végétait* (прозябать; влачить жалкое существование: *avoir une activité réduite; vivre dans une morne* (мрачный, угрюмый, хмурый, сумрачный) *inaction, dans l'inertie; mener une existence insipide* (бесцветный; невыразительный; скучный)). Г.-К. переводит *planer*, что в переносном значении можно перевести «витать, парить» (*Perdre tout contact avec la réalité, avec autrui, sous l'effet de préoccupations intellectuelles ou d'une distraction* – потерять всякую связь с реальностью, с окружающими из-за раздумий или рассеянности) [13].

Итак, во французских переводах концепт «ум», один из ключевых в цикле Тургенева, по-

лучает самые различные толкование, так как не всегда авторам переводов удается соединить многозначность того или иного слова с контекстом. В случае с «Записками охотника», как, впрочем, и с другими произведениями Тургенева, именно контекст, в котором преобладает позиция автора-повествователя, становится определяющим для реализации концепта. Поскольку формирование концепта «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [16, с. 153], приращение актуального слоя концепта, связанное с контекстом, и является проблемой интерпретации национальной специфики концепта «ум» и многообразия его проявлений в русском национальном характере.

Примечания

1. Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в двенадцати томах, Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. 1979. Сочинения. Том третий. Записки охотника. 1847–1874.

2. Здесь и далее цитаты приводятся по изданиям:

Mongault H. Tourgueniev. Mémoires d'un chasseur. Paris: Gallimard, 1953. 635 p.

Tourgueneff I. Récits d'un chasseur. Traduction et introduction de E. Halperine-Kaminsky. Paris: P. Lafitte, 1913. 253 p.

Список литературы

1. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. СПб.: Типография императорской академии наук, 1912. 996 с.

2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Репринтное издание. М.: 1995; М.: 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/3/211/845302.html> (дата обращения: 15.05.2012).

3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышева. Т. 16. М.-Л.: Наука, 1964. 1610 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovotolk.ru/efr122639.html> (дата обращения: 15.05.2012).

6. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Абрамова Н., Переферкович Н.М., 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/11/211/999662.html> (дата обращения: 15.05.2012).

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Русский язык. Т. 4., 1980. 683 с.

8. Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 232 с.

9. Голованевская М.К. Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянских культур, 2009. 375 с.

10. Сергеева Н.М. Ум и разум. // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 286–305.

11. Kiefr X. L'esprit. Le fonctionnalisme selon Daniel Dennette ou: Dennette a-t-perdu l'esprit? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philopsis.fr/IMG/pdf_esprit-denett-kieft.pdf (дата обращения: 13.05.2012).

12. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

13. Le Grand Robert de la langue française. Paris, 2007 (Большой толковый словарь французского языка) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lerobert.demarque.com/en/us/dictionnaire-francais-en-ligne/grand-robert> (дата обращения 15.05.2012)

14. Dictionnaire des synonymes de la langue française par René Bailly. Paris: Librairie Larousse, Paris VI, 1947. 626 p.

15. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

16. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.

THE CONCEPT «MIND» IN I.S. TURGENEV'S «A SPORTSMAN'S SKETCHES» AND ITS FRENCH TRANSLATIONS

N.A. Voskresenskaya

The article presents a comparative contrastive analysis of the principles of translation by French researchers of Turgenev's «A Sportsman's Sketches» on the example of the interpretation of the concept «mind». We also examine linguistic features of the presentation of the concept described by its associative background.

Keywords: Turgenev, perception and interpretation of the text, French, translation, the concept «mind».